E 80
E 715

2007111455

Е 80
715

ПОДОЗРѢНІЕ

И СУДЕБНЫЕ УСТАВЫ 1864 ГОДА.

Въ то незавидное время, когда царствовала сила уликъ и доказательствъ, а съ ними и 2-я часть XV тома, — существовало подозрѣніе сильное и простое, какъ наказаніе за преступленіе. Подозрѣніе это, конечно, было наказаніемъ для высшихъ сословій, т.-е. тамъ, гдѣ присущно понятіе о чести, хотя наружной, но для низшихъ сословій, въ сущности оно ничего не значило, а если и значило, то только потому, что влекло за собою нѣкоторыя обязательныя послѣдствія, какъ напр. ссылку, если оставленный въ подозрѣніи не былъ принимаемъ въ общество. Тогда, какъ извѣстно, онъ ссылался въ Сибирь не на счетъ общества, а на счетъ казны. Это послѣднее обстоятельство, именно ссылка на счетъ казны, и было причиною, что законъ этотъ принесъ дѣйствительную пользу. Множество негодяевъ, тяготившихъ общество, къ которому они принадлежали, отправились, по московскому выраженію, „по Владиміркѣ", т.-е. въ Сибирь, именно потому, что на ссылку ихъ не надо было собирать денегъ, съ которыми крестьяне вообще, по трудности добыванія ихъ, разстаются неохотно.

Законъ, дозволившій такимъ господамъ, извергаемымъ своимъ обществомъ, — отыскивать другое общество, которое бы согласилось принять его, на 60-верстномъ отъ прежняго разстояніи, принесъ, какъ оказалось впослѣдствіи, гибельные плоды. Подъ видомъ того, что полугодичный срокъ на отысканіе этого общества еще не истекъ,—а въ законѣ не сказано было точными словами, что до истеченія этого полугодичнаго срока подобный господинъ въ своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства жить не можетъ,—они проживали дома и зная что они тутъ не жильцы, а новаго общества отыскать нельзя и что слѣдственно по истеченіи полугодія ихъ ожидаетъ вѣрная ссылка, — они позволяли

себѣ всякія буйства, всякаго рода крайности, а иногда и преступленія, ибо очень хорошо знали, что кромѣ той ссылки, которая ихъ и безъ того ожидаетъ, они ничѣмъ не рискуютъ. Что расчетъ ихъ былъ вполнѣ вѣренъ, это доказывается тѣмъ, что менѣе нежели черезъ три года сила 315 ст. XV Тома, части 2-й была возстановлена обществамъ, и право обществъ ссылать такихъ господъ на счетъ казны, возобновлено, хотя и съ нѣкоторыми ничтожными ограниченіями.

Изъ всего вышеписаннаго, кажется, ясно, что 315 ст. XV тома имѣла благодѣтельныя послѣдствія, а съ нею, какъ причина, и законъ объ оставленіи въ подозрѣніи.

Уставы 20-го ноября 1864 года уничтожили силу уликъ и доказательствъ, а съ ними и всю вторую половину XV тома. Говорить о благодѣяніи судебной реформы кажется нечего: всѣ это знаютъ, у всякаго оно на языкѣ. Еще на дняхъ одинъ присяжный засѣдатель, изъ московскаго почетнаго купечества, въ первой разъ увидя новое судопроизводство, невольно воскликнулъ: батюшки мои! да какъ же это хорошо!... Вотъ ужь взяточничать то нельзя, „хоть бы хотѣлось!...“ Эти нехитрыя слова, невольно вырвавшіяся изъ сердца человѣка, не посвященнаго въ юридическія тайны, по моему мнѣнію, составляютъ лучшую похвалу *новому суду*, какъ его называютъ въ народѣ.

Но если новый судъ привелъ съ собою правду и милость, то изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобъ надо было отместь все старое, какъ будто бы оно было все негодно.... И въ старомъ законодательствѣ были свои хорошія стороны, и къ числу этого хорошаго принадлежитъ 315 ст. 2 части XV тома, т.-е. право ссылать негодныхъ членовъ общества, когда они за преступленія оставлены судебнымъ мѣстомъ въ подозрѣніи....

Нельзя не согласиться, что русскій человѣкъ долготерпѣливъ въ высшей степени. Для того, чтобъ онъ рѣшился написать: такого то надо сослать въ Сибирь! надо, чтобъ этотъ такой-то крѣпко насолилъ ему; чтобъ онъ вывелъ его изъ терпѣнія; чтобъ это былъ, наконецъ, вполнѣ пропавшій человѣкъ, на исправленіе котораго ни подъ какимъ видомъ надѣяться уже нельзя. Принявъ это за основаніе, нельзя не согласиться, что 315 ст. въ рукахъ народа была орудіемъ не опаснымъ, но дѣйствительно полезнымъ, вполнѣ практичнымъ и совершенно достигающимъ своей цѣли.

Съ уничтоженіемъ этой полезной статьи закона, на ея мѣсто не осталось ничего, что могло бы замѣнить ее, въ случаѣ если вредный членъ общества, сильно подозрѣваемый, не можетъ подпасть подъ кару закона на столько, чтобы можно было отъ него избавиться по суду. Право, данное мировому судьѣ, осуждать по

одному нравственному убѣжденію, какъ будто замѣняетъ собою приговоръ общества, но какъ ни широко это право (сознаться должно, что право это слишкомъ велико, а потому даже нѣсколько и опасно), оно не можетъ вполнѣ замѣнить его: какъ бы ни стоялъ близко мировой судья къ массамъ,—онъ все-таки не можетъ понять вполнѣ всѣхъ необходимостей этихъ массъ, да и на судѣ своемъ, какъ бы ни желалъ мировой судья судить по одному нравственному убѣжденію, онъ не можетъ, да и не долженъ этого дѣлать, не рискуя уронить значеніе *праваго* суда, тѣмъ еще болѣе, что мировой съѣздъ, по положенію своему стоящій гораздо дальше отъ массъ, будетъ смотрѣть на вещи далеко не такъ какъ участковый судья и конечно потребуетъ, во имя справедливости, юридическихъ данныхъ для обвиненія. Такимъ образомъ, мировой судья при всемъ желаніи избавить общество отъ вреднаго члена, не въ силахъ ничего сдѣлать, какъ по чувству собственнаго понятія о правдѣ, такъ и потому, что не пожелаетъ видѣть свое рѣшеніе отмѣненнымъ и тѣмъ уронить значеніе своихъ рѣшеній въ будущемъ.

Если въ такомъ положеніи находится мировой судья, имѣющій въ своихъ дѣйствіяхъ несравненно больше простора, тѣмъ болѣе Окружной Судъ и Судебная Палата, обвиняющіе уже прямо на основаніи данныхъ, добытыхъ слѣдствіемъ, и строго сообразуясь съ закономъ, не могутъ и не должны обвинять или предавать суду человѣка, только подозрѣваемаго въ преступленіи. Съ уничтоженіемъ повальнаго обыска въ предварительныхъ слѣдствіяхъ, для судьи не осталось критеріума, на которомъ онъ могъ бы основать понятіе о нравственности подсудимаго, и обвиняющей Палатѣ, совершенно уже удаленной отъ массъ, не остается ничего болѣе, какъ руководиться строго тѣмъ, что написано на бумагѣ, согласно личнымъ впечатлѣніямъ слѣдователя, и прекратить дѣло по недостатку уликъ *въ строго формальномъ юридическомъ смыслѣ*, т.-е. освободить человѣка вовсе отъ преслѣдованія, хотя бы нравственное убѣжденіе и говорило, что отъ подобнаго господина очень бы не худо было избавить общество. Для того, чтобъ обвинительный актъ достигъ своей цѣли, т.-е. чтобы преступникъ былъ обвиненъ и наказанъ, надо чтобъ обвинительный актъ этотъ построенъ былъ на прочныхъ основаніяхъ; чтобы данныя преступленія выставлялись ярко и рельефно; чтобы люди, невоспитанные въ юридической школѣ и не посвященные въ тонкости юридическаго анализа, т.-е. присяжные, могли ясно видѣть вину преступника и основываясь на фактахъ, а не на догадкахъ только, могли произнести свое роковое: да, виновенъ! Не имѣя въ рукахъ такихъ строгихъ данныхъ, обвиняющей Палатѣ ничего не остается дѣлать болѣе, какъ,

скрѣпя сердце, прекратить дѣло, т.-е. освободить негодяя, хотя бы нравственное убѣжденіе и громко говорило о необходимости обвиненія. Нельзя не сказать при этомъ, что большинство преступниковъ—*рецидивы*, т.-е. уже судившіеся прежде и даже нѣсколько разъ. Такіе господа по чувству самосохраненія, а частію отъ скуки заключенія, изучаютъ формы закона гораздо скорѣе нежели кто-нибудь во время содержанія своего въ острогахъ, этихъ высшихъ школахъ законовѣдѣнія и разврата, и какъ судившіеся нѣсколько разъ, очень хорошо знаютъ гдѣ и что надо сказать для того, чтобъ избѣгнуть кары закона. Это самые опасные изъ преступниковъ и они то болѣе всего и избѣгаютъ наказанія. Вотъ для такихъ-то господъ, которыхъ по суду достать нельзя, а между тѣмъ всѣми чувствуется вредъ отъ нихъ проистекающій, 315 ст. была истиннымъ благодѣяніемъ.

Безнаказанность за преступленіе, какъ всѣмъ извѣстно, роняетъ значеніе суда, а съ нимъ и уваженіе къ закону. Противъ этого, я полагаю, спорить никто не будетъ. Когда всѣ въ околодкѣ знаютъ, что Иванъ Николаевъ напр. воръ, всѣ опасаются его и радуются когда онъ попадется, ожидая: авось-то, наконецъ, его осудятъ и ушлютъ куда-нибудь подальше. И вотъ вслѣдствіе того, что противъ него нѣтъ юридическихъ доказательствъ, которыя Иванъ Николаевъ предвидѣлъ и расположилъ такъ, что самъ вышелъ сухъ изъ воды, предпочитая загребать жаръ чужими руками, онъ остается безнаказаннымъ, потому только что Судебная Палата или Окружный Судъ не признали возможнымъ преслѣдованіе и прекратили дѣло по недостаточки уликъ, т.-е. освободили Ивана Николаева отъ суда....

Это, какъ я сказалъ, производитъ на массы чрезвычайно дурное впечатлѣніе. Всегда найдутся говоруны, имѣющіе, какъ извѣстно, большое вліяніе на большинство, которые начнутъ толковать о пристрастіи, фаворитизмѣ, даже о взяткахъ, и суду нѣтъ возможности защититься противъ этого голоса большинства, именно потому что судъ, призванный защищать и предохранять общество отъ зла въ лицѣ преступныхъ его членовъ, не защитилъ и не обезопасилъ общества отъ этого зла, а далъ вредному человѣку возможность продолжать наносить тотъ вредъ, освободиться отъ котораго общество такъ сильно желало.

Понимая судъ судомъ правды и закона, я никогда не посмѣю даже и желать, чтобы судъ дѣйствовалъ внѣ закона и чтобъ уголовные процессы были процессами тенденціонными, т.-е. судомъ произвола. Сохрани насъ Боже отъ этого! Хоть я и не понимаю хорошо теоріи одного возмездія и скорѣе готовъ согласиться съ тѣми, которые учатъ, что наказаніе есть предупреж-

деніе преступленія страхомъ наказанія, я тѣмъ не менѣе не могу не сознаться, что если судъ есть судъ правды, то онъ не можетъ и не долженъ спускаться на арену другихъ соображеній кромѣ правды, т.-е. возмездія, и что не судъ долженъ быть вооруженъ тою сѣкирою страха, которая воздерживаетъ преступныхъ членовъ общества отъ нарушенія гармоніи въ этомъ обществѣ путемъ диссонанса, т.-е. преступленія.

Не могу не сказать однако при этомъ, что какъ бы ни высоко стояло значеніе суда, невозможно, да и не желательно, по моему мнѣнію, чтобъ олицетворяющая его Ѳемида была вполнѣ съ завязанными глазами. Если она должна быть слѣпа для того, чтобы не разбирать и не дѣлать различія между тѣми, кого касается карающій мечь ея, то изъ этого не слѣдуетъ, что она должна быть равнодушна къ безопасности общества. По моимъ понятіямъ, никакой судья не долженъ забывать, что онъ членъ общества и слуга ему—не слуга интересовъ или другихъ какихъ конечныхъ цѣлей,—но слуга его безопасности и поставленъ обществомъ для этого на стражѣ. Сохрани Богъ, если судья начнетъ думать, что онъ живетъ въ эѳирѣ, въ отвлеченномъ мірѣ понятій о правдѣ; что ему нѣтъ дѣла до общества; что общество само по себѣ, а онъ самъ по себѣ, и что слѣдственно онъ не слуга общества, а только судья ему! Такой судья, мнѣ кажется, не принесетъ ничего кромѣ вреда и будетъ похожъ на тѣхъ дѣтей, которыя, завязавши себѣ глаза, колотятъ плеткой на обѣ стороны, не разбирая и не зная почемъ ударили. Такое дитя можетъ только выхлеснуть другому глазъ, разбить что-нибудь нужное. Міръ отвлеченій есть самая ребяческая сфера дѣйствія. Ни одинъ человѣкъ не можетъ освободиться отъ условій мѣста и времени, и по-неволѣ самое законодательство несетъ на себѣ отпечатокъ присущихъ обществу, въ извѣстный историческій моментъ, понятій о добрѣ и правдѣ. Обманывать себя нечего: абсолютной правды нѣтъ—и судья, который бы возмостился такъ высоко въ собственномъ умѣ, что захотѣлъ бы служить одной абсолютной правдѣ, сейчасъ сталъ бы въ явное противорѣчіе съ положительнымъ законодательствомъ, по той простой причинѣ, что и само законодательство, какъ выше сказано, есть отпечатокъ вѣрованій извѣстной исторической минуты. Я сказалъ выше: судъ не можетъ быть административнымъ преслѣдователемъ недоказаннаго преступленія, понеже онъ судъ, но онъ долженъ идти рука объ руку съ администраціей и помогать ей въ преслѣдованіи дѣяній, вредныхъ обществу. Въ благоустроенномъ государствѣ все должно идти рядомъ, согласно другъ съ другомъ, и значеніе суда

не можетъ и не должно быть диссонансомъ въ ряду другихъ проявленій государственной гармоніи. Если судъ по своему устройству, по своей сущности, самъ не можетъ преслѣдовать вредныхъ дѣяній, онъ можетъ указывать на нихъ тѣмъ, кто можетъ ихъ преслѣдовать внѣ юридическихъ формъ—и при господствующемъ направленіи нашего законодательства къ самоуправленію—лучше всего вооружить этою карающею силою само общество, больше всего заинтересованное въ томъ, чтобъ зла ему вреднаго не было. Если нельзя возстановить 315 ст. XV тома въ томъ видѣ, въ какомъ она была прежде при подозрѣніи, ее можно возстановить въ другомъ видѣ, предоставивъ обществу, только при прикосновенности человѣка къ дѣлу, подавать уже свой голосъ о томъ: желаетъ ли оно имѣть его въ своей средѣ, или нѣтъ,—предоставивъ затѣмъ суду (а отнюдь не другому кому), на основаніи строго и опредѣлительно поставленныхъ гарантій, ставить опредѣленіе и объ этомъ желаніи общества. Только одинъ судъ, при разсмотрѣніи дѣла, можетъ видѣть на сколько прикосновенность лица къ дѣлу изобличаетъ въ немъ присутствіе преступной воли; только одинъ судъ можетъ съ точностію, изъ совокупности уликъ въ дѣлѣ открывающихся, извлечь истинныя данныя для того, чтобы сказать: да! это человѣкъ вредный и изъятіе его изъ общества дѣйствительно полезно.

Есть множество дѣлъ, гдѣ общество въ лицѣ понятыхъ свидѣтелей или выбранныхъ людей при предварительномъ слѣдствіи громко заявляетъ желаніе избавиться отъ одного изъ своихъ членовъ по его неблагонадежности. Это заявленіе постоянно остается гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ,—и на судѣ не ведетъ за собою рѣшительно никакихъ послѣдствій. Почему бы не принимать суду этихъ заявленій матеріаломъ для особаго рода преслѣдованія какъ напр. предоставленія обществу права, не по произволу его, который иногда можетъ быть и пристрастенъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ вліяній, но основываясь на рѣшеніи суда, избавиться отъ враждебныхъ ему элементовъ?

Скажутъ: общество и безъ суда можетъ составить приговоръ объ удаленіи одного изъ своихъ членовъ. Составить-то оно можетъ, да вѣдь приговоръ объ этомъ долженъ идти на контроль административному лицу или учрежденію, которыя, не зная причины этого заявленія, почти всегда относились къ нему подозрительно и своимъ вмѣшательствомъ, безъ знанія причинъ, парализовали волю общества, ближе всего заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ. Къ тому же трата денегъ на ссылку, особливо при настоящемъ безденежьи во всѣхъ классахъ, болѣе всего мѣшаетъ крестьянскимъ обществамъ пользоваться своимъ правомъ. Ссыл-

ка должна стоить отъ 50 до 70 р.; прибавляя къ этому отправку до губернскаго города для сдачи, проживательство тамъ, другіе расходы, окажется что ссылка одного человѣка обойдется обществу не менѣе 100 р., не говоря уже о томъ, что въ родственникахъ сосланнаго общество пріобрѣтаетъ себѣ вѣчныхъ враговъ, которыхъ при ссылкѣ правительствомъ быть не можетъ.

У мировыхъ судей ведутся списки лицамъ, приговореннымъ судьею къ какому бы то ни было наказанію. Списки эти могли бы быть чрезвычайно полезны для этого случая. Попался человѣкъ три раза—значитъ это господинъ отпѣтый, сдѣлавшій себѣ изъ преступленія ремесло,—и слѣдственно неисправимый. Вмѣсто того чтобы по ст. 1655 Улож. предавать его суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, которые приговорятъ его къ арестантскимъ ротамъ, гдѣ онъ (считая все, т.-е. проценты съ капитала на выстройку тюрьмы, ремонтъ зданія, жалованье чиновникамъ, солдатамъ, одежду, дрова, пищу и проч.) станетъ не менѣе 20 к. въ день, а въ годъ около 75 р., не лучше ли прямо ссылать его въ Сибирь, истративши единовременно 75 р. на пересылку. И тѣмъ болѣе это представляется раціональнымъ, что вообще мѣста заключенія на долгіе сроки только воспитываютъ во злѣ людей еще не совсѣмъ порочныхъ и превращаютъ ихъ въ самыхъ отчаянныхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ, отъ которыхъ исправленія уже рѣшительно ждать нечего.

Чтобъ еще болѣе уяснить мысль мою, я, въ заключеніе, считаю не лишнимъ формулировать то, что мною написано выше. Позволяю себѣ желать:

a) чтобы въ предварительныхъ слѣдствіяхъ возстановлены были повальные обыски;

b) чтобы, въ случаѣ заявленнаго обществомъ крестьянъ въ селеніяхъ, или мѣщанъ въ городахъ, желанія удалить кого-нибудь изъ порочныхъ своихъ членовъ, судебнымъ слѣдователемъ прилагался къ слѣдствію приговоръ объ этомъ общества, составленный не менѣе какъ двумя-третями голосовъ этого общества;

c) чтобы на Окружные Суды возложено было, хотя бы дѣло по недостаточности юридическихъ данныхъ и подлежало прекращенію, входить въ разсмотрѣніе приговора общества и если бы приговоръ этотъ оказался основательнымъ, присуждать обвиняемаго къ ссылкѣ на счетъ казны;

d) чтобы, въ случаѣ если Окружнымъ Судомъ приговоръ общества и признанъ былъ недостаточнымъ для удаленія порочнаго лица, общество не лишено было права ссылки его административнымъ образомъ, и наконецъ

е) чтобы вмѣсто передачи подсудимаго за третью кражу, согласно 1655 ст. Улож., суду присяжныхъ засѣдателей, безразлично выше или ниже 300 р. эта кража, въ случаѣ обвиненія, такое лицо присуждаемо было не къ арестантскимъ ротамъ, а ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе.

И. С.л.в.н.въ.

Сентября 2-го.

Изъ Юридическаго Вѣстника, № 4-й, 1867 г.

Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.